

*В Санкт-Петербургском Доме писателя на вручении премии «Молодой Петербург» (24.11.2017 г.)
Фотограф Инга Павлова*

Впервые мне довелось пообщаться с Андреем Битовым на книжной ярмарке в Хельсинки в 2015-м году. Общение, правда, вышло весьма коротким. Мы с писателями Евгением Антиповым и Алексеем Ахматовым приехали на ярмарку самотеком и пытались проникнуть в гостиницу, где размещались наши друзья, более привилегированные и официально званые авторы. Друзья не брали трубку; жили они на седьмом этаже, а лифт соглашался ехать, только если к панели управления прикладывалась карточка гостя. Мы болтались возле входа в гостиницу, пока Антипов не заметил Битова, притулившегося с сигаретой на скамеечке: «Андрей Георгиевич, и вы тут? Ну, как вам ярмарка?» — «Народу очень много», — откликнулся Битов и стал охотно рассказывать, кто приехал и на чьих выступлениях он успел побывать. Манера его разговора — рассудочная, с короткими и неслучайными паузами, со взглядом, то погруженным в себя, то выстреливающим в собеседника, с хриловатым выразительным голосом — заворожила меня с первой же минуты. Слова, которые он извлекал из себя (иногда — выкидывал), были весомыми, обладали энергией; он словно выискивал их

в каком-то шаре, который внимательно осматривал изнутри; шар казался бездонным и притягивал.

Затем он пригубил с нами коньяк из фляжки и помог подняться на седьмой этаж и найти друзей. Ни в малейшем его слове или жесте не проскальзывало ни капли снобизма. Представить себе, что этот человек говорит о себе «я великий русский писатель», как иногда слышишь от какого-нибудь, пусть и значимого, деятеля, было невозможно.

Так я попала под обаяние Битова и искала возможность взять у него интервью. Через пару лет я занялась историей альманаха «Молодой Ленинград», в котором дебютировал Андрей Георгиевич. Уже был повод встретиться. А кроме того, альманах «Молодой Петербург», считающий себя преемником советского издания, ежегодно проводил свою премию. Там, в числе прочих, была номинация «Легенда», которая как раз подошла бы зачинателю российского постмодернизма. Я поговорила с организаторами премии и набрала его номер. «Ну, куда мне еще премию», — ответил Битов. — «Однако, если наградят Киру Михайловну Успенскую, моего любимого редактора, которая работала в «Молодом Ленинграде» и в издательстве «Советский писатель», обещаю приехать на мероприятие».

Кире Михайловне было под девяносто, она едва передвигалась, но фонтанировала энергией. У нее в гостях я часа четыре слушала увлекательнейшие истории из жизни советских писателей. Увы, перед публикацией она провела жесточайшую цензуру, разрешив взять для печати лишь крохотную часть рассказов.

Я с нетерпением ждала церемонии награждения. За месяц позвонила Андрею Георгиевичу: «Приедете?» — «Неприменно», — подтвердил он. За пару дней набрала опять: «Так мы вас ждем?» — «Конечно, — сказал Битов. — Напомните только адрес. Большая Никитская, а дом?» — «Что вы, — похолодело у меня внутри. — Звенигородская, 22. Это Петербург!» — «Вот как? — удивился Битов. — Я был уверен, что все проходит в Москве!» — «Но в Москву мы точно не доведем Киру Михайловну», — запаниковала я. «Хорошо, я приеду. Но только, пожалуйста, пришлите мне человека, который поможет добраться до вокзала».

Я стала срочно заказывать билеты и трясти друзей, которые смогли бы подвезти Битова. Как назло, все были заняты, но в последний момент человек нашелся. Я выдохнула, но как оказалось, преждевременно. Хотя, казалось бы, что может случиться? Битов в Москве живет рядом с Ленинградским вокзалом, а в Петербурге — рядом с Московским. Там его отправляет надежный товарищ, тут — встречает семья. Тем более, что знакомый добрался к Андрею Георгиевичу часа за полтора до отхода поезда.

Однако наступила полночь, а я не могла дозвониться ни до Битова, ни до знакомого. Паника рисовала жуткие картины — сердечный приступ, авария по дороге... Наконец, получаю смс: «Опоздали на поезд». Оказалось, что знакомый, попав в гости к известному прозаику (да еще прихватив с собой друга),

погрузился с ним в увлекательную беседу — я совершенно забыла, как общение с Битовым затягивает. В итоге поезд помахал хвостиком, а в кассу выстроилась огромная очередь... И уже глубокой ночью Битов чудом уезжает, только прибывает теперь на Ладожский вокзал, который расположен очень далеко от его дома.

Не доверяя больше такси и знакомым, за ним отправился лично организатор премии. «Столько людей мной занимается, а что в итоге? — сказал ему Битов. — Я у вас как дитя у семи нянек...».

Он все-таки попал на церемонию. Обнимал Киру Михайловну (они не виделись лет тридцать) и осторожно вместе с ней поднимался на второй этаж в фуршетный зал. Это был его первый (и, как оказалось, единственный) визит в Дом писателя (относительно новый, выделенный при Матвиенко литераторам дворовый флигель с низенькими потолками и блестящим, кафельным, словно в общественном туалете, полом). Оглядел его печально: «Да, это не тот дворец, что был на Воинова...». Потом мы еще несколько раз созванивались; он вспоминал о детстве, о блокаде. Не доверяя иногда своей памяти: «Ехали по замерзшей Ладоге, началась бомбежка, и машина рядом с нами ушла под лед... Бомбежка была — точно, а вот машина, погрузившаяся в воду — не уверен; может быть, в моей голове на реальные события наложился кадры из документальных фильмов, которые я смотрел позже...».

О своем литературном дебюте тоже рассказал, приятно удивившись тому, что альманах, в котором он начал публиковаться, — его ровесник («Молодой Ленинград» появился на свет в 1937-м году):

«Первый рассказ у меня был напечатан в «Смене», но об этом говорить не буду. Все-таки я считаю, что мой настоящий литературный дебют состоялся в «Молодом Ленинграде». В 1960-м я подготовил для альманаха три рассказа — «Фиг», «Иностраный язык» и «Бабушкина пиала» — и уехал в экспедицию, в Среднюю Азию. В это же время редактор «Советского писателя» Кира Михайловна Успенская тоже ушла в отпуск. И редактуру взял на себя совершенно другой, неизвестный мне человек. Когда я вернулся из экспедиции, то держал первую верстку в руках. Я помню это чувство: запах типографской краски и неуверенное волнение. Но когда я прочитал свои тексты, то заплакал. Велась очередная кампания по очистке русского языка от грубых выражений, и редактор произвел ее по полной.

Андрей Битов.
Фотограф Инга Павлова

В рассказе «Фиг» фраза «здесь чем-то воняет» была заменена на «здесь пахнет щами»; «красивая ты, баба, но дура» на «красивая ты, Маша, но неумна», и так далее. Все это возмутительно ломало язык и стиль даже на том скромном уровне, на котором были написаны рассказы. Вот тогда я помню, было все одновременно: и радость, и скорбь.

Однако за эти рассказы мне заплатили баснословный гонорар. Искалечили их, но сказали — «зато мы оплатим аккордно», то есть, за каждый рассказ как за печатный лист. И я получил четыре с половиной тысячи — еще таких больших, сталинских — рублей. С этого гонорара я купил жене шубу, себе радиолу, костюм и еще долго мы на них жили. Это были другие деньги и другие возможности. Так что все у нас тогда было диалектично. С одной стороны плохо, с другой стороны — замечательно.

Потом вернулась Кира Михайловна, и мы закрепились друг за другом как автор и редактор на долгие годы. Она работала и над первой моей книгой «Большой шар», и над второй «Такое долгое детство», и потом над романом «Пушкинский дом», который тоже создавался по договору с «Советским писателем». Хотя я знал, что роман не напечатают, но, тем не менее, он писался с получением аванса, поэтому я должен был его отрабатывать, и соблюдать «дедлайн», и это мне помогло роман закончить. В конце концов, в 1971-м году он был сдан и, естественно, не опубликован. Но сама Кира Михайловна как была, так и осталась для меня ангелом-хранителем на все это время. Самое поразительно, что возникла даже преемственность поколений, потому что, если она издала мою первую советскую книгу, то ее дочь Анна Успенская, тоже ставшая редактором, издала мою последнюю советскую книгу.

Параллельно я печатался в других журналах, в той же «Звезде», но если бы не база «Молодого Ленинграда» и не занятия в литобъединении при издательстве «Советский писатель», то у меня бы, наверное, первая книга не удалась. Одно время я даже был старостой ЛИТО, но роль начальника мне никогда не подходила. Потом меня сменил Валерий Попов. Я его и принимал в ЛИТО, кстати. Для меня он был молодым автором, хотя разница в возрасте у нас всего два с половиной года. Но разница тогда проходила по войне: кто как ее помнил, так она и проходила. Значит, поскольку я помню войну с первого дня, Попов помнит, наверное, уже ее завершение...

В ЛИТО мы, конечно, все дружили. Все друг с другом выпивали. Многие друг друга перелюбили. Я кого мог, перетаскивал к нам в «Советский писатель»...

Я думаю, мы все, прежде всего, были хорошими читателями. А нечем было заниматься, кроме того, как читать. Не было ни интернета, ни телевизора, никаких мультимедиа. Я очень любил классическую литературу и даже какое-то время считал, что русская литература кончилась в 1917-м году. Сейчас я думаю, что советская литература вполне богата.

Были великие прозаики, но о них я узнал намного позже, чем начинал писать. Так, я намного позже узнал и оценил Зощенко и Платонова. Я писал, не ориентируясь на какие-то авторитеты. Они, наверное, не так уж и важны. Вот, Голявкин, например, совершенно не знал о своих предшественниках обэриутах. Просто бывают открытия, которые совершаются второй раз. Его абсурд родился от самобытности собственной личности.

В то время мои познания о литературе расширяли Михаил Слонимский и Геннадий Гор, которые давали мне редкие книги. В чем-то просвещал Михаил Леонидович Лозинский. Но того «шестидесятничества», с которым сейчас уже все надоели, в Ленинграде не было. У нас «шестидесятничество» только в том, что мы на шестидесятой параллели, не более того. У нас был обком, который старался перевыполнить идеологический план. И были люди из старшего поколения, которые пережили зону, войну, блокаду. Они были более интеллигентные, более образованные, чем мы, молодежь, чуть-чуть больше зарабатывали, следовательно, могли поставить бутылку, принять нас и пообщаться. Вот это тоже было какое-то устное просвещение».

Кира Михайловна Успенская, тридцать лет проработавшая в Ленинградском отделении «Совписа», также вспоминала и добрую атмосферу литобъединения в Доме книги, и цензуру в издательстве, с которой приходилось бороться. Она редактировала книги и начинающих авторов (в том числе жены Андрея Битова, Инги Петкевич), и матерых — Ольги Берггольц, Федора Абрамова, Юрия Рытхэу. О каждом из них у нее есть своя, теплая, драматическая или забавная история, но именно Андрею Битову посвящены самые авантюрные ее воспоминания:

«С издательством «Советский писатель» у меня связаны лучшие годы жизни. Я пришла работать туда в 1959-м году. Наша редакция, с огромным окном во всю стену, размещалась на третьем этаже Дома книги; а вот сама комната была небольшой. В нее с трудом втискивались пять столов и совершенно продавленный диван. Когда авторы садились в него, то проваливались чуть ли не до самого дна и почти упирались коленями в подбородок. Кому не хватало места, присаживались на корточки и облокачивались о стену.

Я работала, а по вторникам ходила в литературное объединение, которое собиралось в том же Доме книги. У нас там было правило: «выступает каждый, никто не отмалчивается». И такие были бурные обсуждения! Но при этом резко не высказывались, старались быть доброжелательными друг к другу.

Я помню, как читал Валера Попов. Он вставал, вынимал из папки листочки, а саму папку засовывал между ног. Ноги были длинными, и складывалось впечатление, что он скрестил их несколько раз. Он читал свои забавные рассказы (а тогда он только такие и писал) — например, о том, как шпион прятался на молочном заводе в твороге и в масле. А как-то мы целый вечер посвятили Виктору Голявкину. В полном упоении слушали его миниатюры (они выходили в основном

Андрей Битов и Кира Успенская. Фотограф Инга Павлова

как детские книжечки). В конце выступления кто-то сказал: «Наверное, мы не будем ничего обсуждать», а Голявкин в ответ, совершенно серьезно: «А что тут обсуждать? Замечательные же рассказы!». Так, посмеявшись, и разошлись...

Начинающие писатели посещали ЛИТО, постепенно дорастая до того, чтобы напечататься в альманахе «Молодой Ленинград», который выходил при издательстве, а потом и до собственной книжки. Так было с Андреем Битовым. В 1962-м году он дебютировал в альманахе, потом еще несколько раз там печатался, и из этих рассказов, в основном, и сложилась его первая книга «Большой шар».

На нее сразу посыпался ворох отрицательных рецензий: «мелкотемье, бездуховность героев, изображение их бессмысленной и случайной жизни»... Меня обвиняли: «Аннотация, которую редактор Успенская поместила в книгу молодого писателя Битова, была бы уместна в первой книге Чехова или Горького». Ну, а почему бы и нет? Он был вполне достоин и тогда самых высоких оценок...

И вдруг в «Литературной газете» появился положительный отзыв Ермилова о Битове. А Ермилов был величиной, от которой многое зависело. Как только я прочитала эту статью, то сразу связалась с Андреем: «Быстро носи заявку на вторую книгу!» И заявка прошла как по маслу. Выпустили повесть «Такое долгое детство»; неплохую, хотя сам Битов ее не очень любил, считал слабее остальных произведений...

А потом была третья книга, «Аптекарьский остров». После которой он принес мне рукопись под названием «Дом». Я говорю: «Слушай, зачем? Только что у Абрамова вышел роман «Дом». Андрей упирался: «Нет, мне нравится». Потом все-таки переделал в «Пушкинский дом». Эту книгу совершенно невозможно

было напечатать в те годы. Чего стоят одни персонажи: дед, который сидел, и дядя Диккенс, который то воевал, то сидел... Поэтому я придумала хитрый ход. Получила рецензию на рукопись у литературоведа, который был моим руководителем в аспирантуре. Он был не из передовых, но и не из «громил» — именно такой, как надо. Если бы я попросила рецензию у работающих в издательстве Леонида Рахманова или Михаила Слонимского, вечных защитников молодежи, начальство обязательно бы нашло второго рецензента, которому бы больше доверяло. И вот он уж бы точно рукопись завернул, да еще и со скандалом. А мой литературовед был человеком нейтральным. Он подписал бумагу о том, что роман состоялся, но требует значительной доработки. И мы получили аванс и год для того, чтобы «доделать» книгу. Через год я снова обратилась за рецензией к тому же человеку, и мы опять получили год на доработку. Третий год издательство уже не давало — надо было что-то придумывать. И я говорю издателям: «Роман интересный, но не готов к печати. Он уже долго висит над нами. А поскольку аванс все равно получен, давайте выпустим другую книгу автора». К этому времени у Битова в разных журналах вышли очерки — про Армению, Грузию, Узбекистан... Мы собрали их вместе и издали под названием «Семь путешествий». Таким образом, Битов получил деньги, возможность пару лет спокойно жить и работать, да еще издал книжку! И мы изъяли рукопись без скандала. Наше счастье, что никто не сунул в нее нос, иначе я бы просто вылетела из издательства...

У меня было много авторов, которые начинали с «Молодого Ленинграда», а потом издавались в «Советском писателе»: Инга Петкевич, Генрих Шеф, Нина Петролли, Вадим Инфантьев, Валентин Тублин, Галина Гампер, Александр Скоков, Сергей Тхоржевский...

А всего авторов, за тридцать лет моей работы в издательстве, было около двухсот. Среди них не только молодые, но и состоявшиеся, довольно известные...

Так, много лет я работала с Федором Абрамовым. В особой редакции он не нуждался, но очень нуждался в том, чтобы защитить текст от небрежностей корректоров, от попыток выправить его язык, что нередко случалось с ним при публикациях в журналах... Время от времени Абрамов, знакомый с моими статьями, говорил мне: «Очень жаль, что вы перестали писать». А я ему отвечала: «Федор Александрович, да я все время пишу. Только пишу в одном жанре. В жанре редакционного заключения».